

А. П. Ковалевский

БАШКИРЫ В X ВЕКЕ ПО ДАННЫМ ИБН-ФАДЛАНА

Настоящая работа А. П. Ковалевского публикуется впервые. Основой для этой публикации стал вариант текста, обнаруженный в личном архиве А. И. Митряева после его смерти. Однако еще после празднования 100-летнего юбилея А. П. Ковалевского в 1995 г. интерес к данной работе проявили исследователи из Башкортостана. В Уфе планировалось издать это исследование А. П. Ковалевского в виде отдельной брошюры. Однако, по неизвестным причинам, эта работа так и не была опубликована. Поэтому издание исследования А. П. Ковалевского «Башкиры в X веке по данным Ибн-Фадлана» в год его 120-летия представляется актуальным. К сожалению, мы пока не знаем подробностей написания А. П. Ковалевским данной работы. Однако, исходя из того, что самая поздняя работа, цитируемая в тексте А. П. Ковалевского, датирована 1953 г., логично предположить, что исследование было завершено им в период между 1953 и 1956 гг., т. е. до выхода его известной монографии «Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.».

При публикации текста мы стремились придерживаться структуры и орфографии оригинала, внося лишь незначительные изменения. Выражаем признательность Ю. Петровой и Д. Шестоपालцу за помощь в подготовке рукописи статьи к публикации.

1. Вопрос об этническом составе башкир и мадьяр

Вопрос о происхождении башкирского народа и его ранней истории представляется одним из самых интересных, но в то же время и самых трудных в истории народов СССР. Этот вопрос приобретает особое значение еще и потому, что он тесно связан с вопро-

сом о происхождении и ранней истории мадьяр до их прихода на берега Среднего Дуная. Даже самые названия этих двух народов, столь различные с первого взгляда, в прошлом тесно между собою связаны. Точно также определение этнической принадлежности обоих народов, их первоначальный своеобразный смешанный состав также имеют между собою нечто общее. Так, общеизвестно, что язык мадьяр принадлежит к группе угорских языков Южного Урала и Зауралья. Наиболее близок он к языкам обских угров – хантов и манси. Самое название «венгры» является лишь древней формой, видоизменением названия «угры», не сразу распознаваемого под влиянием славянского соответствия звуков «у» и носового «ѡ» – «А». Для приуральских народов это название известно и из древнерусских памятников, и из сочинений восточных писателей в виде «югра».

Так как венгры за время своих странствий по Восточной Европе, от Уральских гор до Карпат, могли только утратить свой первоначальный «угорский» язык, но ни в коем случае его не приобрести, то не подлежит никакому сомнению, что это и был их первоначальный язык, то есть первоначально в своей массе они были одним из угорских племен.

Однако византийские писатели упорно называют их *тоўркои* – тюрками¹. То же мы видим у некоторых арабоязычных авторов, начиная с Ибн-Русте. Этот последний, живший в конце IX и начале X века, пишет еще о тех мадьярах, которые жили на равнинах Восточной Европы. В своей «Книге драгоценных сокровищ», написанной в период около 902–912 годов, говоря, что «между страной печенегов и страной эскел из [числа] болгар [находится первая из областей мадьяр]», он добавляет *والمجغرية جنس من الترك* – «а мадьяры это одно из племен тюрков»². То же название мадьяр – «тюрки» мы имеем из середины X века совсем из другого источника, по-видимому, от одного испано-арабского писателя. Оно содержится у ал-Мас’уди в «Промывальнях золота» (“*Les prairies d’or*” – «Золотые

¹ См.: *Dietrich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Teil I / Quellen and Vorschungen zur Erd- und Kulturkunde. Bd. V Leipzig, 1912. Index sub serlis.*

² *Bibliotheca geographorum arabicorum (далее – BGA) / Ed. M.J. de Goeje. Vol. VII. Kitāb al-a'lāk an-nafisa VII auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitāb al-Boldān auctore Ahmed ibn Jakūb ibn Wadhīh al-Kātib al-Jakūbi. 1892. P. 142, note 7.*

луга») в главе «О славянах». В результате специального изучения этой главы можно установить, что основная ее часть заимствована из сочинения какого-то испано-арабского писателя, ездившего в Среднюю Европу, на берега Лабы, в Чехию, в 30-х гг. X века, хорошо знавшего местную жизнь и даже, по-видимому, знакомого со славянским языком. Таким образом, обозначение венгров «тюрками» здесь, очевидно, происходит из славянской среды, где оно было в ходу³.

Так как полабские и богемские славяне с настоящими тюрками непосредственно не сталкивались, то название венгров – «тюрки» они могли услышать лишь от них самих⁴. Поэтому есть все основания полагать, что в составе тогдашних венгров была какая-то часть, которая считала себя тюрками. Это была, конечно, часть, которая играла руководящую роль, аристократия. Иначе это название не применялось бы ко всему венгерскому народу. Значит, в венгерском народе в то время еще имелось какое-то деление на основную массу «угров» или, что тоже самое, «венгров», и каких-то «тюрков», название, которое предположительно соответствует названию «мадьяры».

Это последнее название известно также не только через западноевропейских средневековых хронистов, но и через арабоязычных авторов. Так, как сказано, писатель конца IX – начала X века Ибн-Русте называет их *ал-маджгарийа*⁵. Однако замечательно то, что восточные авторы также постоянно обозначают мадьяр названием *ал-башгирд* – *ал-башгард*, или *ал-башкирд* – *ал-башкард*. Это название в применении к ним мы встречаем не только в «Географическом словаре» Якута XIII века⁶, который его заимствовал от более ранних авторов, но даже в рассказах о монгольском нашествии⁷.

³ Тот факт, что в сообщении ал-Мас'уди даже и сами венгры отнесены к числу «славян», конечно, не меняет дела. В данном случае термином «сакалиба» обозначаются вообще народы Средней Европы на берегах Лабы и Рейна. Так, к числу «славян» здесь отнесены и саксонцы, и жители Франконии и даже Лотарингии, где в Вердене в то время был главный невольничий рынок «славянских» рабов.

⁴ Тем более это выражение не могли внести от себя упомянутый испано-арабский путешественник или ал-Мас'уди.

⁵ BGA. Vol. VIII. Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî. 1894. P. 142.

⁶ Jacut's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I. Leipzig, 1866. S. 469, f.

⁷ D'Ohson C. Histoire des Mongols: depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour-Lang. Vol. II. Paris: Didot, 1824. P. 620.

Особенно важно в этом отношении сообщение испано-арабского путешественника XII века по имени Абу-л Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати. По происхождению из города Гранады в Испании, этот писатель провел всю свою жизнь в странствиях, жил в Египте и в Сирии, где разбогател на торговых делах. Так как Венгрия эпохи Колмана достигла берегов Адриатического моря и установила торговые связи с Востоком, то в ней оказались и арабские купцы. Абу-л-Хамид ал-Гарнати не только сам не раз бывал в Венгрии, но один из его сыновей постоянно жил в этой стране. Далее ал-Гарнати в своих путешествиях добрался и до берегов Волги, в царство волжских булгар, причем оттуда он несколько раз ездил сухим путем по известному торговому пути в Среднюю Азию, в Хорезм. Он оставил интересные записки, к сожалению, еще мало исследованные нашими историками-арабистами. В этих записках ал-Гарнати часто говорит о башкирах, причем безоговорочно отождествляет их с мадьярами, называя их одним и тем же именем – *ал-башджард*. Учитывая упомянутые выше биографические данные ал-Гарнати, мы можем считать, что в данном случае он знал, что говорил.

Очевидно, нечто общее между упомянутыми обоими народами имелось, и название тех и других считалось тождественным⁸. Этому соответствуют замечательные сообщения монахов венгерского происхождения, которые побывали в стране башкир до мон-

⁸ Сведения о венграх у восточных авторов обычно касаются времени их пребывания в Лебедии на Северном Кавказе. Однако данные о них на берегах Дуная также имеются, начиная еще со времен языческого периода. Арабские авторы обычно определяют их религию как огнепоклонство, а потому называют их «маджус» – маги. Рашид-ад-дин в своем сочинении «Джами'-ал-таварих» («Всеобщая история») в разделе об истории франков, т. е. европейцев, рассказывает, что Отто I обратил многих огнепоклонников (гебран) в христианство. В. Бартольд полагал, что здесь речь идет о венграх (*Bartold W. Enzyklopaedie des Islam*, S. 698). Йакут в своем «Географическом словаре» (Vd. I, S. 469) сообщает о каких-то венграх, будто бы перешедших в мусульманство. Возможно, что здесь опять-таки имеет место смешение с какой-то группой башкир. В III веке еще не все башкиры были мусульманами. Рубруквис (1253) сообщает, что башкиры до прихода монгол были подвластны булгарам и что поэтому многие из них приняли мусульманство. Однако еще Ибн-Фадлан в описании своего путешествия на берега Волги говорит, что в посольстве халифа, проезжавшем через страну башкир, служил один башкир, уже принявший ислам. Только в XVI веке, когда русские вплотную столкнулись с башкирами, последние были уже окончательно мусульманским народом.

гольского нашествия, о которых передает Рубруквис, именно, что язык башкир (*Pascatur*) тот же самый, что и венгерский⁹. В то же время, в средние века область башкир в западных странах носила название *Magna Hungaria*¹⁰.

Таким образом, имеются основания полагать, что до монголо-татарского нашествия какая-то часть башкирского народа, причем его местная основная часть, еще говорила на каком то диалекте угорского языка, который в то время не настолько отличался от древнего венгерского, чтобы нельзя было не заметить их близости между собою.

Но вместе с тем, как и венгров X века, восточные писатели называют тюрками также и башкир. Так, уже едва ли не первый автор, который не только упоминает башкир, но дает о них довольно подробные сведения, Ибн-Фадлан, безоговорочно называет их тюрками. Именно он говорит: «Мы прибыли в страну народа тюрков, называемого ал-Башгард» и далее: «это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство»¹¹. Ибн-Фадлан тоже, очевидно, хорошо знал, о чем он говорил. В составе посольства халифа, с которым он ехал, имелся придворный халифа «отрок» Текин, по прозванию «Торок», который, по словам тогдашнего хорезмшаха, в прежнее время долго жил в Хорезме, был

⁹ См.: *Wolff O.* Geschichte der Magyaren oder tataren. Breslux, 1872. S. 263, f.

¹⁰ Основная литература по данному вопросу: *Munkácsi B.* Die Weheimat der Ungarn. Keleti szemle. VI. 1905. P. 185–222; *Németh J.* Magna Hungaria // Beiträge zur historischen Geographie herausgegeben von H. Von Mžik. Leipzig–Wien, 1929. P. 92–96; *Németh J.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930 (резюме: “La préhistoire hongroise”. Nouvelle resume de Hongrie. Budapest. June. 1932. P. 460–468); *Maccartney C. A.* The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930; *Moravcsik J.* Zur Geschichte der Onoguren // Ungurtaube Jahrbücher. II. Heft 1–2. (1930). S. 53–90; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 27–74. Маркварт, как обычно, извращал источники в угоду своим предвзятым теориям, отрицал прямые свидетельства западных и восточных авторов о Великой Гунгарии на Востоке Европы и считал, что сопоставление башкир и мадьяр, так же, как и самое название «Великая Гунгария», объясняется только арабским словоупотреблением. Сводку сообщений о башкирах и старой литературы о них см.: *Ḥudūd al-Ālam.* “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Translated and explained by V. Minor-sky. With the preface by V.V. Barthold (1930) translated from the Russian. London, 1937 (GMS, NS. XI). P. 486 (jadex), 312, 318–320, 322, 469, 485 (map XII).

¹¹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / [Пер. и коммент. А.П. Ковалевского] / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 66. По Мешхедской рукописи. Приложение: с. 203а, строки 7–9.

там «кузнецом», или «железником», причем занимался продажей железа в «стране неверных»¹². Эти «неверные» были огузы в степях нынешнего Западного Казахстана и башкиры к северу, за рекой Уралом. Вместе с тем мы имеем также довольно достоверные данные о том, что этот Текин прежде некоторое время жил у царя волжских булгар.

Так, еще до прибытия посольства, посланного халифом к этому царю, Текин рассказывал Ибн-Фадлану, что «в стране царя [есть] один человек чрезвычайно огромного телосложения»¹³. Из переказа более полного сообщения Ибн-Фадлана у персидского писателя XII века Неджиба Хамадани (известного прежде под именем Ахмеда Туси)¹⁴ мы можем заключить, что Текин находился прежде на службе у царя булгар и по его приказанию заковывал в цепи вышеупомянутого великана¹⁵. Словом, он был великолепно знаком с обстановкой. В дороге он свободно говорил с огузами на их языке и иногда служил Ибн-Фадлану переводчиком. Ибн-Фадлана, конечно, сопровождали и другие среднеазиатские турки. Так, он беседует с башкирами через переводчика, который, конечно, должен был знать, с какого именно языка он переводит. Наконец, как сказано, один башкир, принявший ислам, служил при посольстве.

Таким образом, Ибн-Фадлан в данном вопросе не мог ошибаться, – не подлежит сомнению, что какая-то часть башкир в это время были турки и говорили на тюркском языке уже в X веке. Из сообщения Ибн-Фадлана явствует, что это были те самые башкиры, которые «более всего посягают на убийство», которые убивают человека, встретив его в степи, и забирают с собою его голову.

Говоря о том, что башкиры являются тюрками, Ибн-Фадлан имел в виду, конечно, тюрков, говоривших на наречиях кипчакского типа, близкого к языку огузов, которых он систематически называет тюр-

¹² Указанное издание, с. 57, Мешх. рук. 198а–11.

¹³ Мешх. рук. 208а–5.

¹⁴ Правильное имя этого автора установил Н. Д. Миклухо-Маклай. См.: *Беляев В. И.* Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Акад. Наук СССР // Ученые записки Института Востоковедения. Т. VI. М–Л., 1953. С. 59, прим. 4.

¹⁵ Этот вывод получается из сопоставления текстов рукописей «Ахмеда Туси»: Рук. Отдела Института востоковедения Акад. Наук СССР. Ms. orig. D129. С. 166б двух рукописей: Стамбульского Фатих-библиотеки, рук. № 4173 и Хамидие-библиотеки, отдел Лалели, № 554 (см.: [Validi Togan Z. *Ibn Fadlan's Reisebericht*. Leipzig, 1989. S. 125]).

ками. Эти наречия характеризуются звуками «ш-з» в тех случаях, где в языках болгаро-гуннского типа имелись звуки «л-р». Как известно, эти два типа тюркских языков с древних времен глубоко различны и представляют, по выражению С. Е. Малова, как бы два мира¹⁶. Булгар Ибн-Фадлан не называет тюрками, хотя хорошо их знал. Он причисляет их к «сакалиба», то есть к нетюркским северным народам.

Народ башкир Ибн-Фадлан называет именем *الباشغرد* – *ал-Башгард*¹⁷. Другие формы арабского написания этого имени у восточных авторов следующие: *башджирд*, *башджирт*, *башкирд* или *башкурд*¹⁸.

Арабские огласовки, конечно, совершенно гадательны. Весьма важно отметить, что, хотя территория поселения башкир, и особенно область их грабительских набегов, как увидим далее, была весьма обширна, восточные авторы говорят об их весьма малом числе. Так, например, ал-Истахри, один из первых авторов, упоминавших о башкирах¹⁹, дает их число всего в 2000. По-видимому, здесь под названием башкиры понималось не все население, а именно тюркская его часть, группа кочевников-завоевателей. Современные башкиры называют себя и свой народ «башкорт». Это название считают происходящим от двух слов *баш* – голова и *курт* – волк. По-видимому, это более новая этимология, причем довольно искусственная, так как по-башкирски «волк» все-таки не *корт*, а *буре*. Поэтому иные толкуют *корт* в значении – «личинка», или *корто* – «пчела» (= *бал корто*). Попытки других толкований пока что не более убедительны. Так, J. Németh читал **bāsh-ghur* – «пять племен». Было также обращено внимание на то, что племена венгров, названные

¹⁶ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки / Изв. Акад. Наук СССР. Отдел литературы и языка. Т. XI. М.–Л., 1952. Вып. 2. С. 139.

¹⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 66; Мешх. рук. 203а–8. Варианты см. там же: С. 102, прим. 255. Здесь важно отметить огласовку «ал-башгард» (вместо «ал-башгирд») в Мешхедской рукописи «Географического словаря» Йакута. Этой огласовке я и следую.

¹⁸ Сводки этих названий см.: Хвольсон Д. А. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста..., по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб.: Типограф. Имп. АН, 1869. С. 112; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 68–69.

¹⁹ Библ. арх. географов, I. С. 225 и 227.

у Константина Порфирородного (948 г.), совпадают с делением башкир в новейшее время: *Kourtouγερμάτου* – венг. *Kürt + gyarmat*, – у башкир – йурмату; *Γενναχ'* – венг., *Jenö* – башк. йеней.

Современный башкирский язык при всех своих местных особенностях, несомненно, является настоящим тюркским языком, причем именно кыпчакской группы «ш-з». Конечно, в нем должны иметься некоторые остатки в фонетике, морфологии и лексике тех древних наречий угорской группы, на которых говорило коренное население края до его тюркизации. Однако выявление этих элементов требует специального исследования²⁰. Несомненно, что и территория расселения башкир, и особенности их быта также значительно изменились сравнительно с IX–X веками. После покорения Казанского ханства башкиры, как известно, вошли в состав Русского государства. В XVII веке они вели ряд войн с калмыками, а в XVIII веке имели много столкновений с казахами («киргиз-кайсаками»). Кроме того, они много раз восставали против царского правительства: в XVII веке – восемь раз, в XVIII веке – четыре раза. Принимали они также активное участие в восстании Пугачева 1773/74 г. Русское правительство вело политику натравливания одних кочевых народов на другие. Последнее самостоятельное восстание башкир в 1755 году было подавлено почти исключительно с помощью казахов, которые произвели среди башкир огромные опустошения. Что самое важное, это то, что в последующие века башкиры являются всецело кочевым народом. Их оседание относится уже к самому последнему времени²¹.

²⁰ Литература по башкирскому языку: *Каратинский Н. Ф.* Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899; *Его же.* Русско-башкирский словарь; *Каримов Г. Р.* Русско-башкирский словарь. Уфа, 1942; *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948; *Его же.* Об указательных местоимениях в башкирском языке. Труды Моск. Ин-та востоковедения. М., 1947. Сб. 4. – Русско-башкирский словарь / Под ред. Н. К. Дмитриева [и др.] М., 1948 г.; *Эхмэр К.* Башкорт теле грамматиканы. Киçак, 2. Өфа, 1948; *Мансуров Э.* Башкорт теле грамматиканы. Киçак, 1. Өфа, 1949.

²¹ О башкирах в новое время см.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. СПб. 1832, II. С. 212 и след.; *Аристов Н.* Заметки об экономическом составе тюркских народностей и сведения о их численности. СПб., 1897. С. 131 и след.; *Reclus E.* Nouvelle geographie universelle. La terre et les hommes. Vol. 5. Париж, 1880. P. 753 sq.; *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству // Тридцать лет Советской Башкирии. Материалы по

Однако это не означает, что положение было таким же в отдаленные времена IX–X веков. Несомненно, что в те времена, когда предки башкир, местные угорские племена, жили в лесах, занимались охотой и мотыжным земледелием, но не имели больших стад, они жили более или менее оседло. По крайней мере, именно такими представляют археологические исследования жителей Приуралья и Прикамского края в эпоху так называемой дьяковской культуры.

Поэтому развитие в стране башкир массового скотоводства явилось не только переходом к более высокой форме производства в данной отрасли хозяйства, но и усилением кочевнического элемента, и сопровождалось окончательной победой также и языка господствующей кочевой знати – тюркского языка кыпчакского типа.

Все эти общие соображения о формировании башкирской народности базируются в основном на весьма скудных документальных источниках – кратких сообщениях, часто только отдельных упоминаниях, у византийских, восточных и западных средневековых авторов, из которых большинство черпало свои сведения из вторых и третьих рук. Лишь немногие являлись действительно очевидцами. И среди них, несомненно, первое место занимает Ахмед Ибн-Фадлан. Можно считать установленным, что его сообщения о народах Восточной Европы отличаются большой степенью достоверности²². К тому же, история его путешествия из Багдада к берегам Волги вместе с посольством халифа изучена более или менее детально²³, достаточно изучен также и самый текст его сочинения. Текст сочинений Ибн-Фадлана по Мешхедской рукописи, перевод и комментарий к нему были изданы в 1939 г. в книге «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» /Перевод и комментарий под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Это издание в настоящее время совершенно устарело. Обзор новейших работ дан в статье А.П. Ковалевского «Вивчення подорожі Ібн-Фадлана на Волгу за Мешхедсь-

истории Башкирской АССР / Под ред. А. Н. Усманова и др. Уфа, 1949; Дмитриев Н. К. Библиография по башкирскому языку и фольклору. Уфа, 1936; Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир. Пг., 1916; Ч. 2. Быт башкир. Л., 1925.

²² Ковалевский А. П. О степени достоверности Иби-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. М., 1950. С. 265–293.

²³ Ковалевский А. П. Посольство халифа к царю волжских булгар в 921–922 годах // Исторические записки. Т. 37. М., 1951. С. 189–214.

ким рукописом»²⁴, из которой видно, что в настоящее время прежним переводом пользоваться уже нельзя. Поэтому в дальнейшем дан новый перевод соответствующего рассказа Ибн-Фадлана о башкирах.

Для того чтобы разобраться в важном вопросе о том, на какой территории жили в то время башкиры, текст рассказа Ибн-Фадлана дан с того места, где посольство уже, безусловно, покинуло территорию кочевий огузов и печенегов. Небольшое число печенегов Ибн-Фадлан еще встретил на берегах озера Челкар. Путешественники переправились через реку Яик (переименованную царицей Екатериной II в Урал) около того места, где теперь находится город Уральск. Упомянутая здесь река Джайх, это и есть особая форма названия реки Яик. Следующая река – Джаха – это Чаган, правый приток Яика, впадающий в него немного ниже нынешнего города Уральска. Далее следует река Ирхиз – Иргиз, далее Бачаг – нынешняя Моча, Самур – река Самара, Кинал – река Кинель, Сух – река Сок и, наконец, Кунджулу, или Кюньюлю – нынешняя Кундурча. Из контекста можно сделать заключение, что, переправившись именно через эту последнюю реку, посольство халифа будто бы и попало на территорию народа башкир. Последующий анализ текста Ибн-Фадлана покажет, что такое представление неправильно.

Итак, переходим к сообщению Ибн-Фадлана, находящемуся в Мешхедской рукописи, начиная со с. 203а, сноски 4 и до с. 203б, сноски 5.

2. Рассказ Ибн-Фадлана о башкирах

«Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх, а это самая большая река, какую мы только видели, самая огромная и с самым сильным течением. И подлинно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в нем, потонули. И [вообще] погибло много человек из числа [наших] людей и потонуло [некоторое] количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом.

²⁴ Труды Исторического факультета Харківського держ. університету ім. О. М. Горького. Т. 2. Харків, 1952. С. 143–157.

Потом мы ехали много дней и переправились через реку Джаха, потом, после нее, через реку Ирхиз, потом через Бачаг, потом через Самур, потом через Кинал, потом через реку Сух, потом через реку Кунджулу и попали [1] в страну народа тюрок, называемого башкиры [2]. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок, самые грязные [3] из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее [с собой], а его [самого] оставляет.

Они бреют свои борода и едят вшей. [Вот] один из них тщательно исследует швы [4] своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Право же, был с нами один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде [5], он раздавил ее своими ногтями [6], потом слизнул ее [7] и сказал, когда увидел меня: “Прекрасно” [8].

Каждый из них вырубает [9] палочку величиной с фалл и вешает ее на себя [10]. И если он захочет отправиться в путешествие [11] или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: “О господи [12], сделай для меня то-то и то-то”. Я сказал переводчику: “Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому [действию] и почему он сделал это своим господом?” Он [спрошенный] сказал: “Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя [13], кроме этого”.

Кое-кто из них говорит, будто бы [14] у него двенадцать господов: “у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый больший из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ” [15]. Наш господь выше [16] того, что говорят нечестивые [17], возвышенностью и величием [18].

Мы видели, как [одна] группа [19] из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам [20], [еще одна] группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они [когда-то] вели войну с [какими-то] людьми из числа своих врагов [21], причем они [враги] обратили их в бегство [22], и что журавли закричали позади них [врагов], так что они испугались и сами обратились в бегство, после того как обратили в бегство [этих башкир]. Поэтому они [эти башкиры]

стали поклоняться журавлям и говорить: "Эти [журавли] наш господь, так как он обратил в бегство [23] наших врагов". За это они им и поклоняются».

Он [Ибн-Фадлан] оказал: «И мы уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Джарамсан [24], потом через реку Уран [25], потом через реку Урам [26], потом через реку Байнах [27], потом через реку Ватыг [28], потом через реку Нийасна [29], потом через реку Джавшыз [30]. Расстояние от реки до реки, о которых мы упомянули, – два дня, или три, или четыре, менее этого или более».

3. Текстологические примечания к рассказу Ибн-Фадлана о башкирах по мешхедской рукописи

1. 203а, 7 *فو فقنا*. Можно бы читать – *فو قفنا* «мы остановились». Но для остановок Ибн-Фадлан употребляет глаголы *نزل* и *اقام*. Поэтому я предпочитаю чтение у Йакута *و فقنا* (Ков. 254) – «мы попали», «мы оказались». Как видно из дальнейшего, посольство без всякого удовольствия попало к башкирам и не делало у них длительной остановки.

2. 203а, 8. Огласовка мешхедской рукописи «Географического словаря» Йакута *الباشغرد*. Ков. 255. Глагол относится не к «тюнкам», а к «народу» и должен переводиться в ед. числе.

3. 203а, 9. Я держусь чтения *واقذرهم* – «грязнейшие», ввиду совпадения в М и мешхедской рукописи Йакута. Ков. 256; Х. Риттер (109, 5.18, Z. 10) вполне со мной согласен.

4. 203а, 10. Следую Йакуту (Ков. 261).

5. 203а, 10 – *فرانته و قد قمله في ثوبه* – Здесь, несомненно, сокращение. По Йакуту полнее: *فرايته يوما و قد اخذ قملة في ثوبه* (Ар. текст, 3. В., И, 14).

6. 203а, 11 – *بظفره* – собирательное. Сравни 210а, 2, прим. 689а *و من حد ظفر* (Ков. 786).

7. 203а, 12 – *لحسها* Глагол *لَحَسَ* – «слизывать, пожирать, уничтожать».

8. 203а, 12. Исправляю текст по Йакуту. Ков. 266. Чтение М *الراى حيل* – это «мнение», «отклонение», крайне искусственно. Да и

вряд ли рассказанное дальше с точки зрения мусульманина всего лишь «отклонение от истины».

9. 203а, 12. نَحَتْ т. е. يَنْحَتْ То же выражение об изображениях на могиле огуза 201б, 11. Глагол نَحَتْ указывает на грубую работу, а не на мелкую резьбу ножиком.

10. 329. 203а, 12–13 و يعلقها عليه. Нет основания считать, что здесь пропущено название того, на что именно вешался этот обрубок. Текст достаточно ясен. Выражение على قدر указывает на кусочек именно размером в фалл, но не на то, что это был идол в образе человека, вроде онгона. Продолжение рассказа не вызывает сомнения, что этот обрубок сопровождал башкира туда, где он мог встретить врага, то есть повсюду. Поэтому перевод «на себе» соответствует и тексту и сути дела. Проф. Д. Зеленин в своей работе в “Internationales Archiv für Ethnographie”. XXIX. (Leiden, 1928. S. 94) совершенно верно толкует данное место Ибн-Фадлана как фаллический культ.

11. 203а, 13 – سفرا – именно личное путешествие, а не перекочевка с юртой и всем добром.

12. 203а, 13. – يا رب «О, мой господин!»

13. 203а, 15. Принимаю чтение Йакута (Ков. 271) موجداً как первоначальное.

14. 203а, 15 – منهم من يزعم و Глагол زعم обычно указывает на передачу с чужих слов. Но так как здесь говорящий передает собственные мысли (له – «у него» самого), то этим глаголом Ибн-Фадлан оттеняет сомнительность данных верований.

15. 203а, 18 – شريكه. Иначе «его соучастник в общем деле». Ср. 204а, 11 – لا يشركه فيها – «[И никто] в отношении его [стола] не является его сотоварищем». Здесь скрытая полемика: башкир как бы отвечает на обычное возражение мусульман против многобожия, выраженное в Коране (XXI, 22): «Если бы в них обоих [на земле и на небе] были какие-либо боги, кроме Аллаха, то они оба разрушились бы».

16. 203а, 18. Принимаю текст Йакута جل ربنا ввиду его более тесной связи с предыдущим рассказом. Ср. Ков. 279.

17. Добавление Йакута والجاحدون – «отрицающие», «отвергающие» (мусульманские учения) не вношу в перевод, так как оно имеется только в издании Вюстенфельда и происхождение его неизвестно (Ков. 281).

18. Ср. в Коране тот же стих (XXI, 22) (см. прим. 15) дальше: «итак, хвала Аллаху, господу престола, отвергая то, что говорят о нем [язычники]».

19. 203а, 19. طائفه т. е. (طائفة). Здесь имеются в виду небольшие общины, объединенные культом тотемического характера. Слово طائفة происходит от глагола طاف – «ходить вокруг, бродить, кочевать». Первоначально оно обозначало небольшую бродячую группу, отделившуюся от племени. Однако в дальнейшем содержание этого понятия стало обозначать не столько «бродячество», сколько разъединенность, групповщину. Отсюда значение «религиозная община», наконец – «удел», «удельное княжество». Так, например, назывались мелкие «царства» в Иране во времена Аршакидов и удельные феодальные княжества в Испании в 1031–1090 годах. Однако в данном случае речь идет все же о подразделениях племени – родовых общинах, кланах.

20. 203а, 19. السمك – «рыбы» как собирательное.

21. 203б, 1. قوما من اعدائهم – правильность этого перевода явствует из параллели 207б, 12.

22. 203б, 1 – فهزموهم глагол هزم здесь предпочитаю переводить через «обратить в бегство», а не «нанести поражение».

23. Нет никакого основания менять М 203б, 2 – لانه هزم на вариант Якута لانها هزمت, так как местоимение и глагол здесь относятся не к هذه, а к ربنا. См. Ков. 286.

24. 203б, 3 – جرمسان – Большой Черемшан.

25. 203б, 3 – اورن – Река Урень. Арабскую транскрипцию тоже можно читать Урен.

26. 203б, 4 – اورم. Река Урым, или Урем.

27. 203б, 4 – بايناخ читаю باناج – река Майна. Здесь контаминация начального «б» и «м» и окончание «ах», характерное для старых тюркских языков. Сравни реку Бачаг-Моча (М. 203а, 7). Месяц в болгарских надписях آيخ – «айых», в современном чувашском – «уйах», татарское «ай».

28. 203б, 4 – وتبع, конечно, – وتبع. Русское название реки Утка произошло из татарского Удга اودغا.

29. 203б, 4 – بناسنه – читаю نياسنه – река Нийасна, русское название – Неясловка.

30. 203б, 4 – جوشين. Дальше 208б, 10, 16 – эта река дважды пишется جاوشير – но в Мешхедской рукописи конечное ن часто

ставится на место ز. Поэтому я читаю جاوشيز и полагаю, что это местная добулгарская форма этого названия. Так как в болгаро-чувашком языке «р» соответствует звуку «з» прочих тюркских языков, то болгарская форма должна быть Джавшыр. У этой реки, по словам Ибн-Фадлана, позднее был съезд болгарских племен. Реку эту нужно искать значительно севернее других. Вероятно, она впадает в Каму. Возможно, что это речка Гаушерма бывшего Чистопольского уезда. Следует заметить, что последние две упомянутые здесь реки находились севернее ставки царя болгар, и послы по дороге к нему их не переезжали. Они побывали на них уже позднее.

Таким образом, здесь у Ибн-Фадлана дан общий список рек, через которые переправлялось посольство до и после прибытия в ставку царя.

4. Путешествие посольства через область башкир и вопрос о территории их расселения в X в.

Весьма важно для выяснения ранней истории башкир установить область их расселения. Поскольку речь идет о данных Ибн-Фадлана, необходимо прежде изучать их топографически и отождествить с современными названиями.

Первая после Яика река названа جاھا, то есть جاھا. В ней можно видеть только современную реку Чаган. Нельзя проехать дальше на запад, не переправившись через эту реку. На современных русских картах название этой реки совершенно тождественно с упомянутой выше рекой у подножия Усть-урта. Но это не значит, что в те времена (да и в настоящее время) у местного населения названия эти произносились одинаково. Там я предполагаю произношение «Йаганды», здесь, по-видимому, «Чахан». Все зависит от различных тюркских диалектов и отсутствия в арабской графике буквы для «ч». Отпало ли конечное «н» у переписчика или его не было в этом названии в X веке, решать не берусь. Зеки Валиди тоже устанавливает это отождествление, замечая, что название этой реки “Çağak” известно еще в «киргизско-ногайском» эпосе (*Validi Togan Z. Op. cit., S. 34, Anm. 2*).

Следующее название – ازحن. Зеки Валиди отказывается его определить, считая, что это какая-нибудь маленькая речка между Чаганом и Мочей. При этом он ссылается на то, что не имеет подробной карты области Урала (ibid., S. 34, Ант. 3) Между тем, мне кажется, что это одно из самых ясных начертаний. Так как буква ح, обозначает исключительно арабский звук, то на нее нужно переставить точку с буквы ز. Конечное же ن в рукописи М постоянно заменяет и по форме на него похоже. Получается совершенно ясное чтение ارخز = Иргиз. Взглянув на карту, мы видим, что посольство поехало по самому прямому направлению к цели своего путешествия, не боясь многочисленных переправ, именно сразу же пересекло Чаган и обязательно должно было переправиться через реку Иргиз в ее верховьях. Тем самым, путешественники переехали в бассейн реки Волги.

В таком случае следующая река باجاع – это Моча. Однако отождествление устанавливается не только по местоположению, но и по соответствию названий. Дело в том, что здесь перед нами одна из обычных контаминаций в тюркских языках Поволжья того времени – «б» вместо «м» и наоборот. При этом ج – это «ч» и غ, конечно, – غ. Таким образом, название реки у Ибн-Фадлана должно читаться «Бачаг». О конечном «г» речь будет впереди.

Далее путешественники переправляются через реку Самару. Следующая река كبال, как сказано, несомненно – Кинель (чит. كبال).

Итак, раз они переправлялись и через эту реку, значит, Самару они пересекли выше слияния этих двух рек. Река سوح, которая должна читаться سوخ Сух, или Сох, – современная река Сок, текущая в Волгу. Парной рекой к реке Сок является Кондурча, которая сливается с Соком недалеко от его впадения в Волгу в северной части Самарской Луки. Между обеими реками лежит междуречное плато, так что следующая река كجلوا может быть только Кондурча. После буквы «К», несомненно, имеется зубчик, должно быть «Н» (Ков., 253). Сопоставление с современным названием это «Н» подтверждает. Звук «ч» передан через ج. Зеки Валиди (ibid., S. 34, Ант. 8) видит в этом ту же реку, которая в маршрутах Тимура писалась قندورجه или قندزجه. Но у нас «р» заменено через «л» и окончание «ча» отсутствует. Получается нечто вроде Конджолу. Ссылка Зеки Валиди на деревню “Kiğläw”, лежащую на малом Черемшаке,

совершенно излишняя, так как самый этот Черемшан гораздо дальше и в стороне.

Следующая река опять-таки не вызывает никаких сомнений – *جرمسان* – это Черемшан, а именно, конечно, Большой Черемшан.

После названия реки Кондурча у Ибн-Фадлана, по рукописи М, сказано *فوقفنا في بلد قوم من الاتراك يقال لهم الباشغرد* (203а, 7–8): «и мы остановились в стране народа из [числа] турок, называемого башкиры». В выписке Якута всюду имеем в начале этой фразы глагол *وقفنا* (Ков., 254) – «мы попали...», «мы оказались...». Зеки Валиди принимает первое чтение (*ibid.* (ар. текст), S. 18, F. 9) и переводит – “Dum hieltem Wir nus im Zomde... auf” (*ibid.*, S. 35, F. 1–2). Х. Риттер, однако, считает нужным обратить внимание и на чтение Якута (*op. cit.*, S. 109. 18. 9). На протяжении всего рассказа Ибн-Фадлан для обозначения остановки в пути употребляет глагол *نزل*. Например: «Потом мы, [уже] уезжая из области этих [тюрок-огузов], остановились [نزلنا] у командующего их войском» (202а, 2–3), или «мы остановились [فنزلنا] в рибате, называемом Замджан» (1996, 1). Для понятия «пробыть некоторое время» у Ибн-Фадлана обычен глагол *اقام في [عند]*, например: «И мы оставались [فاقمنا], воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах» (2036, 11). Это и в смысле более значительного пребывания. Так, про одного синдийца сказано, что он *سقط الى ذلك البلد فاقام عند الملك* (207а, 18) – «явился» (букв. «спустился») в эту страну и остался [жить] у царя». Примеров можно привести много. Глагол *وقف* он употребляет для обозначения простой, случайной, остановки во время езды. Когда послам повстречался в дороге некий бедняк-огуз, то он закричал: *قفوا* – «Остановитесь!» *فوقفت القافلة* (201а, 18). В рассказе о встрече Ибн-Фадлана со змеей в лесу сказано *فوقفت انظر اليه* (206а, 13) – «и я остановился, смотря на него [ствол дерева]». При описании похорон мусульманина в стране болгар – *باب قبته فيقفون على باب قبته* (209а, 16) – «Итак, они останавливаются у дверей его юрты». В описании Хазарии, евнух, приведший к хакану наложницу *باب قبته الملك ويقف الخادم على باب قبته* (Jacut's geographisches Wörterbuch / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. II, S. 439) – «евнух останавливается у дверей “купола” царя».

Из всего сказанного ясно, что глагол *وقف* в рассказе о башкирах неуместен и это искажение переписчика. Следует читать *فوقفنا*. Первоначальное значение этого глагола «падать», дальше – «попадать», «оказываться» – с предлогом *في*. Именно это и значит выра-

жение فوقعنا في بلد – «мы оказались в стране», наша дорога пришлась как раз в области этих тюрок. В значении такого же случайного попадания Ибн-Фадлан употребляет этот глагол, говоря о портном из Багдада, жившим у царя تلك الناحية قد وقع الى (2056, 12), который «упал» в эту область», «которого судьба забросила сюда». С предлогом على этот глагол значит «напасть на след», о птице – «сесть», «броситься сверху вниз (на добычу)». Жители страны болгар ходят в леса к известным им гнездам пчел за медом فربما وقع قوم من اعدائهم فقتلوه (2076, 12), – «и иногда бросаются на них [внезапно] люди из числа их врагов и сбивают их».

Итак, я считаю, что здесь правильно следует читать не «мы остановились в своем движении», а мы «попали», «оказались в области башкир». Ни о какой остановке в гостях у этих башкир, как например у огузов, нет речи. Наоборот, Ибн-Фадлан подчеркивает, что «мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок» (208а, 8), Тем не менее приезжающие вступали в контакт с башкирами. Ибн-Фадлан разговаривает с одним из них через переводчика. Один из башкир, уже принявший ислам, даже служил у посольства (203а, 11). Рассказ о башкирах Ибн-Фадлан заканчивает: «и мы уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Черемшан» (203б, 3). Итак, из буквального смысла рассказа Ибн-Фадлана выходит, что область поселения башкир, в которую попало посольство, находилась между реками Кондурча и Черемшан, то есть полоса в самом широком месте – 75 км., в среднем – 50 км. Между тем, раньше совершенно четко сказано, что, начиная уже с первой переправы в мешках через реку Йагнады, у подножья Чинка, путешественники выслали авангард вооруженных людей для защиты от возможного нападения башкир (202б, 16).

Было бы, однако, ошибочно отсюда заключить, что область населения башкир простиралась от Черемшана до подножья Чинка. Для выяснения этого вопроса я позволю себе сделать одно предположение. Мы уже видели, что Ибн-Фадлан комбинирует в своем рассказе перечисление порядка следующих друг за другом переправ с вставными описаниями быта и нравов народов, живущих на данной территории. При этом он соединяет эти два элемента своего повествования, не заботясь о том, чтобы нам было ясно их соотношение, то есть, где, собственно, была область обитания данного народа. Так как невозможно допустить, чтобы большой народ

огузов жил на узкой полосе между Чинком и рекой Йаганды, то следует считать, что область его кочевья простиралась до озера Челкар, где в это время была стоянка печенегов. После переправы через Яик, как говорит Ибн-Фадлан: *ثم سرنا اياما وعيرنا* (203а, 6) – «потом ехали много дней и переправились через...», и далее идет перечисление рек, через которые едущие переправились в продолжение этих, упомянутых только что, «дней, вплоть до переправы через реку Кондурча. Далее сейчас же сказано (203а, 7): «итак, мы попали в страну народа из турок, называемого башкиры...». Мне кажется, что это «итак, мы попали» относится не к переправе через Кондурча, а к первоначальному глаголу «потом мы ехали много дней», то есть попали они в область башкир на протяжении всего этого пути от самого Яика. Этому не противоречит то, что башкиры совершали свои набеги вплоть до Чинка. Болгары ведь тоже славились своими далекими набегами.

Дальше мы видим у Ибн-Фадлана ту же манеру. Он говорит, что, переправившись через Черемшан, посольство уехало из области башкир, но не указывает, что новая страна эта была уже областью народа болгар. Таким образом, если мы будем держаться буквально рассказа Ибн-Фадлана слово в слово, то получится такая картина, что все это огромное пространство за Волгой и за рекой Урал было необитаемо, за исключением маленьких участков: огузы – у подножья Чинка (10–20 км), печенеги – у Челкарского озера, башкиры только между Кондурча и Черемшаном (50–75 км) и болгары – у слиянии Камы с Волгой (50–75 км). Конечно, центр кочевий с главной ставкой в каждом отдельном случае и был связан со сравнительно небольшим районом, для болгар это определялось еще и торговым центром на Волге, но в целом передвижение кочевников, безусловно, охватывало гораздо более широкое пространство. По крайней мере, так это было у огузов и башкир. Болгары, как увидим, жили в более ограниченной области. Это и понятно, так как у них были уже довольно развиты земледелие и торговля. Они переходили к оседлости, в ближайшие же годы у них возникли значительные по тому времени города. Что же касается стражи башкир, то о ней ал-Мас'уди в «Промывальнях золота», сообщал: *وهم نوع من الاتراك والقوافل متصلة منهم الى بلاد خوارزم من ارض خراسان – ومن خوارزم اليهم الا ان ذلك بين بوادي غيرهم من الاتراك والقوافل محفوظة منهم* – «Они [болгары] – это сорт тюрок. Караваны отправляются от них

в страну Хорезм в стране Хорасана, а из Хорезма к ним, но только этот промежуток [занят] кочевниками из числа других тюрок, и караваны бывают охраняемы от них» (Maçoudi. Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Vol. II. Paris, 1863. P. 15–16). Однако и из башкир мы видим одного, принявшего ислам и сопровождавшего посольство, вероятно, в качестве охраны وكان يخدمنا وقد اسلم واحد و لقد كان معنا منهم واحد (203а, 11), – «и был с нами один из них, принявший ислам, который служил нам».

Возвращаемся к изучению маршрута. Мы не знаем, где именно переправилось посольство через Черемшан, а поэтому не можем провести прямую линию на конечный путь его путешествия – Три Озера. Но, рассматривая арабские начертания названия следующих рек, мы видим на первом месте два, которые вполне соответствуют названиям двух современных речек, вливающихся в Волгу выше Черемшана: اورن и اورم – это Урень и за ней выше по течению Волги – Урм, или Урем (см.: *Файузханов Х.* Изв. Русск. Археологич. О-ва, IV. 1863. С. 402).

Таким образом, мы видим, что, перейдя Черемшан, посольство взяло путь ближе к берегу Волги, обойдя, однако, первую впадающую здесь выше Черемшана реку – Калмаюр.

В таком случае следующие две реки بانناج و تبيع отождествляются сами собой, это Майна и Утка наших современных карт. Графика этих названий вполне это подтверждает. Мы видали, что река Моча написана у Ибн-Фадлана باجاج, т. е. Бача(г). Следовательно, и Майна должна была произноситься как Вайна(г). В соответствии с чтением первой реки, я и здесь предполагал бы написание بايناخ – Байнах. Наличие конечных придыхательных в этих старинных названиях рек, вероятно, может быть объяснено особенностями древне-булгарского языка. Так, турецкое слово «ай» – месяц читается в болгарских надписях как – آيخ «айых», что соответствует чувашскому «уйӑх» (*Ашмарин Н. И.* Болгары и чувашаи. Казань, 1902; *Poppe N.* Die Ischuaeoassische Sprache im ihorent Irenhälltniss in dem Türkischen Körösi Csóma Archivum. Kötet. 1–2 szám, 1926. S. 66). Название Утка – русифицированное и, конечно, ничего общего с птицей уткой не имеет. Зеки Валиди (*ibid.*, S. 37, Anm. 5) ссылается на сообщение акад. И. Ю. Крачковского, что слово это является видоизменением местного названия اودغا – Удга. Согласно «Десятиверстной карте», река эта протекает через озеро, носящее в настоя-

щее время название Втивоз. У Ибн-Фадлана чтение будет, конечно, *واتينغ* – Ватиг. На реке Ватиг впоследствии возник город Сувар. Очевидно, посольство было уже вполне на территории булгар в области одноименного с будущим городом племени.

Дальше Ибн-Фадлан называет еще две реки, через которые переправилось посольство, – *جاشين* и *بناسنه*, т. е. Неясловка и неизвестная, текущая южнее, речка Джаушиз, или Джаушир, которая находилась севернее ставки их. Все эти перечисления рек Ибн-Фадлан заканчивает замечанием: «Расстояние от [одной] реки до [другой] реки, о которых мы упомянули, – два дня, или три, или четыре – менее этого или более» (2036, 4–5). Все расстояние от реки Черемшан до ставки царя в районе Трех Озер, с учетом отклонения пути посольства в сторону Волги, составляет около 100–120 км. На этом пространстве как будто указаны, кроме Черемшана, еще шесть рек и, значит, шесть междуречных переездов. Значит, на переезд в среднем – 17–20 км. Об этих реках не сказано, что они велики, а переправы, по-видимому, не составляли затруднений. О последней названной реке позднее говорится, что она глубиной до пупа, а шириной пять локтей (2086, 16–17). Очевидно, что эти последние переезды никак не могли занять более одного дня. Значит, слова Ибн-Фадлана о расстояниях от реки до реки в 2, или 3, или 4 дня, менее или более, относятся ко всему пути, по крайней мере, от Яика, если не вообще от реки Яганды. Последние упомянутые Ибн-Фадланом реки могли быть перейдены и по две сразу в один день.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению сообщения Ибн-Фадлана о башкирах, следует еще раз бросить взгляд на пройденный ими путь. Итак, послы выехали из ал-Джурджании 4 марта 922 г. и прибыли к царю булгар 12 мая, что составляет ровно 70 дней (включительно обе даты). Присматриваясь к названиям рек и следя по карте за переправами через них, мы видим, что посольство ехало почти напрямик. Так, от Чинка прямо на озеро Челкар, по-видимому, ниже слияния рек, то есть прямее современного тракта. От переправы у современного Уральска тоже не повернули на Бузулук, а поехали напрямик через Общий Сырт, переправляясь через верховья рек Иргиза и Мочи. Однако дальше послы почему-то переправляются через Самару выше впадения в нее Кинели и через Сок выше впадения Кондурчи, т. е. переправ-

ляясь через эти притоки. Этого можно было бы избежать, если бы караван направился прямо к Самарской Луке. Так ехали, вероятно, из опасения приблизиться к Волге, где господствовали хазары. Но дальше, наоборот, – посольство сворачивает с прямого пути в сторону Волги и переправляется через ряд небольших речек, как Урень, Урем, Майна у самого ее берега.

Это последнее отклонение тракта объясняется, может быть, наличием дальше от реки непроходимых лесов. Вместе с тем, вступив в землю болгар, послы уже могли не опасаться неожиданного нападения со стороны реки. Суммарные расстояния пройденного пути приблизительно таковы: от ал-Джурджании до спуска Чинка – 350 км, от Чинка до Яика – 700 км, от Яика до Трех Озер – 550 км, а всего 1600 км. Переводя на время, мы видим, что около 1/4 пути (немного меньше) проехали в 15 дней, около 10 дней потратили на остановку у огузов, около 3/4 пути от Чинка до Трех Озер проехали в 45 дней, то есть тем же темпом и без длительных остановок. В день делали в среднем 27 километров, на Чинке, из-за снега и бури, медленнее – всего 23–24 км, потом, несмотря на переправы, быстрее. После Яика, вероятно, все 30 км в день. Значит, от Яика до Трех Озер – 550 км – 18 дней. За эти 18 дней проехали двенадцать междуречных пространств (от Яика до Утки), значит, в среднем «от реки до реки» менее двух дней. Если считать от Йаганды до Утки, то «от реки до реки» – 20 переездов – 45 дней, то есть немногим больше двух дней. Отсюда, непонятной становится фраза Ибн-Фадлана, что «между одной рекой и другой рекой, которые мы назвали, – два дня, или три, или четыре, менее этого или более» (203б, 4–5). Если относить эти слова к ближайшему контексту, т. е. к последним четырем (формально с Нийасной и Джавширом – к шести) рекам, то получится большая неравномерность в пути, задержка уже на болгарской территории при очень коротких переправах. Вот почему я считаю, что слова эти относятся ко всему пути от Чинка, причем посольство проехало последние речки все вместе самое большее в 2–3 дня.

Возможно даже, что знатные болгары, выехавшие навстречу посольству на расстояние «дня и ночи пути» встретили его недалеко от границы, то есть около Черемшана. Самое упоминание здесь о «ночи пути» указывает на то, что посольство последний участок ехало даже и ночью. От Черемшана до ставки царя оставалось

около 100 км. К тому же наступило сухое время, половодье кончилось. Четыре дня могли ехать от Чагана до Иргиза и, тем более, в пределах современного Казахстана, где 8 междуречных переездов по 4 дня составят 32 дня. Тогда переправа через Яик была 29 апреля, и дальше до болгар ехали не 18, а 13 дней, на Черемшане были 10 мая, а 12-го – у царя болгар.

В связи с этим маршрутом расселение башкир и обстоятельства встречи с ними посольства можно представить себе следующим образом. Еще только спустившись с плато Усть-Юрта, переправляясь через первую же реку на территории современного Западного Казахстана, послы попали в область набегов башкир, а потому начали принимать меры, чтобы не быть застигнутыми врасплох их неожиданным нападением. Это заставляло их переправлять сначала вооруженный отряд, под прикрытием которого происходила переправа всего остального каравана. Так проехали всю территорию огузов и далее – печенегов до реки Яик. К северу от Яика территория и огузов, и печенегов кончалась. Здесь, собственно, и начиналась территория уже не набегов только, а настоящих кочевий башкир. Однако, как Ибн-Фадлан сам говорит, путешественники старались держаться от башкир как можно дальше, они «остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков». Весьма возможно, что так продолжалось до самого междуречья Кундурча – Б. Черемшан. Здесь, вероятно, находилось наиболее густое население башкир и, возможно, не только кочевое, но и более или менее оседлое, связанное с рыбной ловлей на реках и с земледелием. Здесь Ибн-Фадлан волей-неволей вступил в более близкий контакт с ними и имел возможность ближе с ними познакомиться. Местное население, жившее близко к постоянному тракту из Средней Азии в страну болгар, очевидно, уже свыклось с проезжающими, башкиры вступали с ними в разговоры на религиозные темы, нашелся даже башкир, уже принявший ислам и поступивший на службу к проезжающим, очевидно, для того чтобы что-нибудь заработать.

Следует заметить, что указанный вывод о более широком расселении башкир и о манере Ибн-Фадлана излагать маршрут своего путешествия без увязки со вставными рассказами о местных народах, подтверждает и венгерский исследователь К. Цегледи в своей работе (*Czeglédy K. Zur Meschheden Handschzift von Ibn Fadlan's*

Reisebericht // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 1, fasc. 2–3. Budapest, 1950–1952). Более подробно им же исследован вопрос о маршруте посольства и о реках башкирской территории в специальной статье в журнале “Százador” (LXXVII, 1943, с. 277–306), которую я, к сожалению, использовать не мог («Этнический состав населения Башкирии в X веке и образование башкирского народа»).

Обратимся теперь к рассказу Ибн-Фадлана о башкирах. Он состоит из следующих частей:

1. Сообщение о том, что башкиры имеют обыкновение, встретив человека в дороге, убить его и взять его голову с собою в качестве трофея. Словом, нечто вроде «охоты за черепами».

2. Рассказ о том, что башкиры, очищая свою одежду от вшей, едят их и даже находят в этом удовольствие.

3. Рассказ о поклонении символическому изображению фалла. При этом это изображение берут с собою в путешествие и прибегают к нему в случае встречи с врагом.

4. Рассказ о двенадцати богах, которым поклонялась некоторая часть башкир («кое-кто»).

5. Рассказ о том, что различные «группы» у башкир поклоняются змеям, рыбам и журавлям. Передача со слов других лиц рассказа о том, каким образом поклонники журавлей объясняют происхождение у них этого культа.

Просматривая эти сведения одно за другим, мы можем заметить, что они расположены в известной последовательности, именно, по-видимому, в том порядке, как сам Ибн-Фадлан узнавал о них. Сначала членам посольства рассказали об ужасных нравах башкир и заставили их держаться от них в стороне. Убийство на дороге и отсечение головы касалось, прежде всего, конечно, иноземцев, проезжавших через землю башкир, или членов другого племени.

Далее Ибн-Фадлан сталкивается с живым башкиром, служившим у посольства. Он наблюдает за тем, как он вылавливает из своей одежды вшей и давит их своими зубами. Действительно этот башкир ел вшей или нет, решить конечно трудно, так как Ибн-Фадлан приводит данный рассказ в стиле анекдота. В свою очередь, и башкир, заметив отвращение иностранца, мог нарочно разыграть комедию и сделать вид, что он со вкусом пожирает вшей.

Следующий рассказ о поклонении изображению фалла – также результат непосредственного наблюдения. Башкир здесь, конечно, уже не «мусульманин», а очевидно – язычник, Ибн-Фадлан увидел на нем амулет и через переводчика подробно расспрашивал его обладателя о его значении.

Далее следует разговор о 12-ти богах. Из контекста ясно видно, что Ибн-Фадлан специально допрашивал одного из башкир об этих богах и даже вступил с ним в полемику. Слова башкира, что высший бог неба «объединяется с теми [остальными богами] в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ», указывают на то, что он в данном случае отклоняет обычное мусульманское возражение против язычников, что, дескать, при наличии многих богов все они между собой перессорились бы (Коран XXI, 22). Перед нами две концепции – концепция деспотической монархии, где Аллах единолично управляет миром, не терпя при себе никаких «сотоварищей», и концепция, выросшая на базе развитого родового строя, где при наличии общего главного вождя сохраняются еще элементы родовой демократии, по крайней мере – для родовой знати. В этом своеобразном споре Ибн-Фадлан не смог найти никакого разумного аргумента в опровержение слов башкира, а потому ограничился общим осуждением его мнения и восхвалением всемогущества Аллаха.

Наконец, едва ли не самое интересное – сообщение о поклонниках змей, рыб и журавлей, Ибн-Фадлан передает его с чужих слов. Правда, его сообщение начинается словами: «Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям и т. д.», но все же нет уверенности, что Ибн-Фадлан видел это поклонение собственными глазами. Выражение «мы видели» – رأينا – в рассказе Ибн-Фадлана имеет несколько неопределенный характер. Говоря о непосредственном личном наблюдении, он употребляет выражение شاهدنا – «мы были очевидцами» чего-либо. Что же касается выражения «я видел», то он употребляет его иногда в отношении того, о чем он в действительности только слышал. Например, «Я видел, что они [булгары] считают очень хорошим знамением для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия» (М. 206а, 9–10). Следовательно, и в данном случае на основании этого выражения нельзя безоговорочно утверждать, что Ибн-Фадлан непосредственно наблюдал своими глазами поклонение змеям и журавлям, но все же

люди, поклонявшиеся этим животным, жили на той территории, по которой он проезжал. Он, по-видимому, узнал об этих культах после разговора о двенадцати богах, после того как он попал некоторым образом в самую гущу башкирского населения. Все же объяснение причин и обстоятельств возникновения культа журавлей Ибн-Фадлан получил, по-видимому, от третьих лиц.

Приняв во внимание вышесказанное, мы можем попытаться дать более глубокий анализ сообщения Ибн-Фадлана о башкирах. С первого же взгляда для нас ясно, что культ двенадцати богов и групповой культ животных относились к различным стадиям общественного развития и по существу не могли принадлежать одним и тем же людям. Правда, даже в высокоразвитом рабовладельческом обществе Римской Империи при господстве культа двенадцати главных богов (*dei consenses*) существовали пережитки тотемной эпохи. Родовые и местные гении представлялись в виде змей, Пикус, первый царь Лациума, отождествлялся с дятлом, волчица по преданию выкормила своим молоком Ромула и Рема, основателей Рима. Но все же все эти священные животные мыслились уже не сами по себе, а как перевоплощение или превращение антропоморфных богов. Тем более, на этой стадии развития уже не было каких-либо племенных групп, которые вели бы свое происхождение от какого-либо животного и непосредственно ему поклонялись. Греческие «мирмидоняны» сохранились только в легенде. Но именно это мы и видим у той части башкир, которые, по словам Ибн-Фадлана, жили небольшими группами, связанными общим культом животных – змей, рыб и журавлей. Это явление для ранней родовой стадии так типично, так много раз было описано в этнографической литературе, что о его характере не может быть никакого сомнения. Перед нами здесь драгоценнейшее свидетельство наличия этих культов, а значит и тотемных групп в Приуралье. То, что объектами поклонения являлись рыбы и журавли, указывает на то, что они возникли на базе рыболовства и охоты. Археологические данные Приуралья этой эпохи также подтверждают распространение этого рода животных культов.

Однако в эпоху Ибн-Фадлана эти культы и породивший их общественный строй уже клонились к упадку. В первоначальном своем виде такого рода тотемные верования связаны с убеждением, что данная группа физически связана с соответствующим видом жи-

вотного, является его ближайшим родственником, непосредственно от него происходит. В процессе дальнейшего развития это представление о происхождении от животного постепенно отпадает, но прежние культы продолжает существовать. Образовавшееся противоречие стараются оправдать искусственными теориями. Бог – родоначальник, предок рода, сам по себе уже антропоморфен, но временно принимает образ животного. Порода тотемных животных уже не является прямыми родственниками данной группы людей, но они или являются превращенными людьми, или оказали какую-либо услугу людям, чем и заслужили их уважение. Таковы были известные гуси в храме Юноны на Капитолии.

Именно последнее объяснение приведено у Ибн-Фадлана. Возможно, что группа башкир, поклонников журавлей, все же верила в их божественность и может быть сохраняла убеждение, что журавли были их предками. Но верование это, по-видимому, уже не соответствовало уровню их развития и тем более уровню развития соседних народов. Поэтому они создали «историческое», более «рациональное» объяснение своего культа. В рассказе Ибн-Фадлана заметно ироническое отношение к этому объяснению, как и к самим поклонникам журавлей. Возможно, что эта ирония имела уже в словах его собеседника или переводчика.

Несомненным, однако, остается то, что такого рода тотемные племенные группы существовали в то время в стране башкир. Это не были башкиры, которые верхом на лошадях совершали смелые грабительские набеги за сотни километров. Этим башкир не могли бы испугать крики журавлей. Это не были также кочевники-скотоводы. Поклонники рыб и журавлей занимались мелкой охотой и рыбоводством и, вероятно, примитивным земледелием. Словом, это было старое местное население, тот «угорский» элемент, составивший основной слой башкирского народа, который тогда еще сохранял свой прежний «угорский» язык. Он сохранял этот язык еще долго после того, когда венгерские монахи были поражены его сходством с их родным языком.

Иное дело – поклонники двенадцати богов. Перед нами развитой политеизм родового строя, в котором уже далеко зашло классовое расслоение, образовалась родовая знать во главе с племенным вождем. Понятие о богах уже не связано непосредственно с производственным процессом. Божества мыслятся антропоморф-

но, причем в качестве управляющих отдельными областями природы, стихиями и явлениями. Среди них есть, однако, одно божество, наличие которого объясняет многое, – господь лошадей. Боги – покровители других животных, птиц, рыб и т. д. не упомянуты. Нет даже богов хозяйственных животных – рогатого скота или овец. Вероятно, они были, но они не были введены в этот пантеон высших богов. Такое исключительное предпочтение лошади указывает на то, что здесь имелась в виду не рабочая земледельческая лошадь, а боевой конь кочевника. Правда, Ибн-Фадлан этого не подчеркивает, употребляя здесь слово *لنواب* (203а, 16), которым он во всем своем сочинении обозначает лошадей вообще. Но это не меняет дела. Лошадь в то время у этих народов играла главным образом такую роль. Эти двенадцать или, вернее, тринадцать богов были богами башкир-кочевников, главным образом – участников далеких конных набегов. Для этих набегов нужны были и боги дня и ночи, дождя и ветра, бог воды на случай переправ, наконец, бог неба, который руководил совокупностью всех этих факторов. Еще шаг к укреплению понятия о центральной власти, и бог неба превратился бы в мусульманского Аллаха, а остальные боги потеряли бы свое самостоятельное значение. Вместе с тем этот пантеон богов имел и всенародное значение. Боги земли, воды, ветра, дождя и т. д. важны и для благополучия и умножения стад, и для охоты, и для земледелия.

Однако в то время культ этих двенадцати богов у башкир отнюдь не был всеобщим. Ибн-Фадлан сам говорит, что это был лишь культ части населения – «кое-кого». Из существа дела ясно, что он относился к господствующему классу или, вернее, к господствующему племени, которое в отношении своего общественного развития стояло выше поклонников рыб и журавлей. Именно с этими людьми Ибн-Фадлан и посольство халифа больше всего и имели дело. Набегов этих башкир они остерегались при переправах, этих же башкир Ибн-Фадлан имеет в виду, когда говорит, что «это худшие из тюрок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство». Как пример их грязи он приводит случай с башкиром, который ел вшей. Башкир этот служил при посольстве и, безусловно, не принадлежал к башкирам – поклонникам журавлей.

Это были те башкиры, которые говорили на тюркском языке и, очевидно, принадлежали к числу кочевников-завоевателей. Даль-

нейшее формирование башкирского народа состояло в слиянии этих двух элементов. Уже Ибн-Фадлан говорит о башкирах как об одном народе. По-видимому, это название в то время уже применялось ко всему населению данной территории, хотя местные племенные группы, вероятно, еще сохраняли свои особые названия. Распространялось ли на них название «угры», трудно сказать. Название «югра» русских летописей и восточных писателей в X–XI веках относится к более северным и зауральским народам. Если оно прежде и применялось к населению Башкирии, то к тому времени общее название «башкиры», по-видимому, его уже вытеснило.

Между тем, ал-Андалуси ал-Гарнати в XII веке еще отождествлял не только народы башкир и мадьяр, но и применял к ним одно и то же название. Но если «башгард» и «магйар» – одно и то же слово, то «мадьяр» должно было в прошлом означать господствующий тюркский слой. Иначе говоря, как это ни странно для настоящего времени, «венгры (угры)» это была основная часть народа, а «мадьяры» – кочевая знать тюркского происхождения. В Башкирии то же самое: местные племена – поклонники рыб и журавлей, с одной стороны, и «башгард» – башкиры, давшие имя всему народу.

Чем же все таки объяснить, почему масса башкирского народа, сидя на месте, утратила свой прежний местный язык и целиком приняла кыпчак-тюркский диалект, в то время как венгры, совершив огромные переселения на Северный Кавказ, а оттуда на берега Дуная, сохранили свой угорский язык, который приняла и тюркская часть их народа. Объясняется это тем, что венгры уже сравнительно рано перешли через Карпаты и изолировались от моря тюркских кочевников. На новом месте, среди совершенно чуждых им по языку славянских народов, они сохранили свой общенародный венгерский язык. В IX веке часть знати, по-видимому, еще говорила по-тюркски. Поэтому у византийцев и у западных славян венгры в то время иногда причислялись к тюркам. Но потом тюркская знать стала тоже говорить по-венгерски, дав всему народу общее название «мадьяры». В степях Приуралья было иначе. Местное население частично говорило «по-венгерски» до самого татарского нашествия. Но прилив все новых и новых тюркских кочевников окончательно утвердил здесь господство тюрко-кыпчакского

языка. Впрочем, так было не только у башкир, но и у соседних болгар, которые приняли кипчакский язык и образовали татарский народ.

Эта картина формирования башкирского народа, мне кажется, имеет большое значение и для истории чувашского народа.

Уже более или менее установлено, что местное население правого берега Среднего Поволжья принадлежало к племенам, говорившим на финском языке. Завоевание Среднего Поволжья булгарами и образование болгарского государства привело к вытеснению местного языка, или языков, и распространению болгарского. Одно из племен на левом берегу Волги, в районе реки Утки, не принадлежавшее к булгарам, но говорившее на диалекте болгарского языка, постепенно переселилось на правый берег и, слившись с местным населением, передало ему и свой язык, и народное название «суваз», превратившееся в дальнейшем в «чаваш» – «чуваш».

Таким образом, пути формирования обоих народов, башкир и чуваш, аналогичны.